

УДК 81'42

МНОГОАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ АВТОРИЗАЦИИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Сергей Владимирович Гричин

**к. филол. н., заведующий кафедрой гуманитарного образования
и иностранных языков**

Томский политехнический университет

652055, Кемеровская область, Юрга, ул. Ленинградская, 26. grichinsergei@mail.ru

Представленная в статье методика анализа категории авторизации в научном дискурсе основана на интеграции различных аспектов ее описания: структурной организации, особенностей текстового воплощения, прагматических, стилистических и дискурсивных характеристик. В разработанной методике обобщен опыт описания авторизации через авторизационный блок, а также авторизационную когнитивно-дискурсивную модель, основанную на выраженных в ней смыслах субъектных компонентов речи: супraseгментности, интенциональности, конситуативности, синкретичности и метауровневости. Демонстрируется опыт применения многоаспектного анализа авторизации на материале научной статьи.

Ключевые слова: авторизация; авторизационная конструкция; научный дискурс; функционально-семантическая категория; многоаспектный анализ; методика; модель; экстралингвистическая обусловленность.

В настоящей работе описана методика многоаспектного анализа категории авторизации на материале научного дискурса и показан пример ее применения. Подобный анализ не только представляет интерес с точки зрения выявления особенностей функционирования функционально-семантической категории авторизации в научном дискурсе, но и способствует определению специфики этого дискурса как коммуникативного пространства, обладающего определенными свойствами.

Под многоаспектностью в данной работе понимается включение в анализ наблюдений, сделанных на различных уровнях языковой системы, а также характеристика авторизации через описание экстралингвистической обусловленности введения авторизационной конструкции в высказывание и выявление на этой основе текстовых, стиливых, прагматических и когнитивно-дискурсивных особенностей авторизации; описание структурной организации авторизационной конструкции; определение семантического типа авторизации (квалифицирующая, обнаружения, наблюдения), а также объективированности / субъективированности (названность источника информации / обращенность к себе); уста-

новление «радиуса действия» авторизационной конструкции (текстового отрезка, на который распространяется ее значение), а также ее взаимодействия с другими авторизационными конструкциями в тексте.

Определение экстралингвистической обусловленности авторизации предполагает учет широкого экстралингвистического контекста и установление условий внеязыковой действительности, «в которых протекает речевое общение и под влиянием которых происходит отбор и организация языковых средств» [СЭСРЯ: 624], а также в которых авторизация приобретает свои текстовые, стиливые, дискурсивные характеристики. В своем понимании текстового, стиливого и дискурсивного характера свойств языковых явлений мы опираемся на представления о данном вопросе М.П. Котюровой, Е.А. Баженовой и В.Е. Чернявской. Основанием отнесения авторизационной конструкции к научным текстам, стилю и дискурсу (с учетом изначально «предложенческого» уровня категории авторизации) является факт «обслуживания» авторизационной конструкцией некоторой эпистемической ситуации (ЭС), т.е. объективного фактора научной речи, являющегося результатом осознания субъектом

текстовой деятельности онтологического (предметное содержание научного знания), методологического (процедура получения научного знания) и аксиологического (ценностная ориентация субъекта) аспектов знания [Котюрова 1988, 1996]. В рамках нашей концепции мы придерживаемся расширенного понимания ЭС, сформулированного Е.А.Баженовой, которая выделяет еще один аспект ее рассмотрения – коммуникативно-прагматический, «связанный с вербализацией полученного знания, его ориентацией на адресата и вхождением в глобальный континуум науки» [Баженова 2001: 86]. Важность этого компонента ЭС связана с тем, что не только за любой авторизационной конструкцией, но и за имплицитной формой авторизации, т.е. за любым высказыванием в научном дискурсе, стоит комплекс мыслительных операций ученого, составляющий основу его текстотворческой деятельности, а также его личностные характеристики. Следовательно, отражающаяся в тексте познавательная деятельность ученого носит одновременно рефлексивный, коммуникативно-познавательный и прагматический характер, обусловленный целями общения в данной форме коммуникации.

Если базовыми, глубинными экстралингвистическими факторами для научного дискурса, помимо ЭС, являются «фазы (этапы) продуктивной деятельности ученого – от проблемной ситуации к идее / гипотезе, ее доказательству и выводу, предпосылочное знание, факторы, определяющие композицию научного текста, субъекта речи и диалога с адресатом, и др. [СЭСРЯ: 626], то функционирование авторизации в данном дискурсе детерминировано также интертекстуальностью (как в узком, так и широком ее понимании) [Чернявская 1999: 20], обусловленной субъект-субъектным взаимодействием в процессе познания, которое реализуется в интеракционной природе текста и отражает когнитивную деятельность автора. Е.А. Баженова связывает экспликацию авторизации с реализацией в тексте рефлексивного начала познавательной деятельности: представляя собой один из субтекстов, она является «способом речевого воплощения специфической личностно-психологической рефлексии субъекта познания (авторerefлексии), сопровождающей научную деятельность на всем ее протяжении – от осознания проблемной ситуации до констатации доказанного положения в форме вывода» [Баженова 2001: 123]. Эксплицитная форма авторизации относится к формальным средствам намеренно маркированной интертекстуальности [Pfister 1985:23], когда автор либо включает в создаваемый текст фрагменты иных, «чужих» предтекстов, либо актуализирует

собственные, «свои» смыслы. В текстовой ткани языка науки этими эксплицитными маркерами интертекстуальности являются цитаты, выделенные кавычками или другими графическими средствами, косвенная речь, фоновые ссылки, примечания, сноски, а также модифицированные заимствования, интерпретация чужой речи [Чернявская 2007: 49]. Что же касается каждого отдельного случая употребления авторизационных конструкций, то мы считаем, что эти употребления также можно рассматривать как экстралингвистически и дискурсивно обусловленные. В работе [Гричин 2013], опираясь на описанные в психологической литературе операции мыслительной деятельности, понимаемые как «умственные действия по преобразованию объектов, т.е. психических состояний, идей, мыслей, образов и др., представленных в виде понятий» [Общая психология 2008: 237], мы выделили ряд познавательных операций, обуславливающих в тексте соответствующий контекстуальный эффект. Всего нами было выделено шесть таких операций и эффектов: «выбор» («выделение»), «подтверждение», «аналогия», «противопоставление», «ограничение» и «обобщение». Было установлено, что авторизационные конструкции являются устойчивыми, регулярно воспроизводимыми речевыми структурами, сопровождающими познавательные действия субъекта и образующими сопутствующие им контекстуальные эффекты. Смена авторизационного ключа (АК) становится маркером, отмечающим в тексте определенный текстуальный эффект, имеющий свою экстралингвистическую основу – дискурсивный коррелят, для текста научного произведения представляющий собой мыслительное (познавательное) действие автора. Смена АК связана не только с маркированием в тексте прагматических по своей сути процессов, но и с управлением вниманием читателя, поскольку каждая такая мыслительная операция, сопровождаемая в тексте соответствующим эффектом, одновременно означает изменение фокуса внимания автора в сторону расширения (обобщения) или сужения (ограничения) поля охватываемых объектов или явлений.

Текстовые особенности авторизации обусловлены как связями авторизационных конструкций с содержательной структурой текста, так и их способностью образовывать особые авторизационные модели и связи между собой в поверхностной структуре текста. Поскольку любая дискурсивная практика основана на присущей ей содержательной специфике и на реализуемых в ее рамках прагматических стратегиях и тактиках, то

данный аспект (и этап) анализа оказывается непосредственно связанным с вышеописанным дискурсивным компонентом авторизации.

Учитывая изначально «предложенческий» уровень авторизации (авторизация представляет собой по определению семантический план предложения), важно указать на возможность ее анализа на более высоком, текстовом уровне, что впервые было отмечено Г. А. Золотовой, высказавшей мысль о «выходе» явлений авторизации за пределы чисто синтаксического к ним интереса «в стилистику речи, в структуру текста» (подчеркнуто нами. – С.Г.) [Золотова 1982: 155]. На связь авторизации со структурой текста указывает и Т. В. Шмелева, говоря о необязательности присутствия авторизационных показателей в силу действия авторизационного ключа, т.е. «указания на источник информации в начале текста» [Шмелева 1984: 90]. Исследования средств авторизации на материале текстов художественных произведений показали, что они организуют повествовательный дискурс и активно участвуют в создании образа автора [Филатова 2000], а во взаимодействии с персуазивностью авторизационные конструкции расширяют свой «радиус действия» с предложения на текст, проявляя, таким образом, свои текстостроительные функции [Копытов 2004].

Текстовый материал научных произведений также демонстрирует примеры расширения «радиуса действия» авторизации (протяженности распространения авторизующего значения авторизационной конструкции) с предложения на отрезки текста, поэтому анализ текстового воплощения авторизации, по нашему мнению, должен начинаться с «измерения» этого радиуса, т.е. определения связей авторизационной конструкции с другими, близлежащими в текстовой ткани конструкциями, их взаимозависимости и взаимообусловленности в пространстве текста. Предметом анализа должна стать также смена авторизационного ключа, основанная на смене ключа эпистемического. Текстовым продолжением дискурсивной реализации авторизации является оформление описанных выше когнитивных операций в виде авторизационных блоков, что осуществляется, как правило, с помощью авторизационных рамок.

Следующий аспект описания авторизации – когнитивно-дискурсивный. Поскольку «дискурсивный анализ сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности как непосредственно ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона на формирование закономерностей конкретного произве-

дения» [Чернявская 2007: 20], то и дискурсивные аспекты авторизации связаны с тем, каким образом этот экстралингвистический фон определяет характер обращения субъекта деятельности с источниками информации, как категория авторизации обслуживает производимые субъектом коммуникативно-речевые действия, иными словами, подобный анализ также должен характеризовать влияние внешней среды на формирование особенностей функционирования категории авторизации. В рамках когнитивно-дискурсивного аспекта анализа авторизации последняя предстает в виде модели. Подробное описание когнитивно-дискурсивной модели авторизации содержится в нашей работе [Гричин 2014]. Здесь же приведем ее определение и вкратце остановимся на основных ее чертах. «Когнитивно-дискурсивная модель авторизации представляет собой синкретичное, многоуровневое единство выраженных авторизацией смыслов, основанных на коммуникативном намерении автора, отражающих лежащие за ними ментальные операции, связанные с обработкой и фиксацией в тексте и дискурсе научного знания» [там же: 178–179]. Представление об авторизации как о когнитивно-дискурсивной модели основано на интерпретации авторизационных смыслов, реализующихся в тексте научного произведения. Реализуемые авторизацией смыслы, называемые нами аддитивными, основаны на характеристиках субъектных компонентов речи, к которым Н. К. Рябцева относит метауровневость, синкретичность, конситуативность, интенциональность и супрасегментность [Рябцева 2005]. Метауровневость заключается в противопоставленности субъектных компонентов речи объектным и фактуальной информации – ее интерпретации. Синкретичность предполагает способность компонента речи присутствовать в высказывании в неявном виде, конситуативность – обязательное осознание текущей ситуации общения, она выражается в ее способности переключать фокус внимания читателя с одного объекта на другой, в ее способности вводить и изменять ситуацию общения. Интенциональность «коррелятивна ментальным процессам субъекта оценки, восприятия или констатации явления» [Рябцева 2005: 100–101] и выражается в осмысленности, мотивированности и намеренности использования СКР. Представляется, что в научном дискурсе интенциональность обусловлена нормой и этикой научного общения, предполагающими указывать источники используемой информации, диалогическим характером научного изложения, реализующейся в тексте интертекстуальностью. Супрасегментность – это способность создавать

дополнительные смыслы, семантическую ауру вокруг сообщаемого сегментными средствами.

Все субъектные компоненты речи связаны с рефлексией, которая является интегральной ментальной операцией по обработке поступающей информации, благодаря чему становится возможным комплексное рассмотрение свойств СКР, т.е. рассмотрение отдельных СКР во взаимосвязи друг с другом. Таким образом, описание когнитивно-дискурсивных свойств авторизационной модели заключается в описании выраженных в авторизационном блоке аддитивных смыслов, соответствующих перечисленным выше СКР.

Стилистический компонент многоаспектного анализа авторизации заключается в определении стилистических свойств языковых единиц, составляющих авторизационные конструкции, поскольку функционирующие в научном стиле авторизационные конструкции несут на себе отпечаток этого стиля. Как известно, к стилевым чертам научного стиля относятся: «отвлеченно-обобщенность, подчеркнутая логичность, точность, ясность и объективность изложения, его именной характер речи, а также некатегоричность изложения ... книжный характер и нежелательность разговорных и эмотивных средств» [ЭСРЯ: 242]. Большая часть этих черт проявляется в авторизационных средствах. Так, с лексической стороны глаголы восприятия, констатации, говорения, входящие в авторизационные конструкции, выступают здесь в обобщенно-отвлеченном значении, а с грамматической – формы этих глаголов используются преимущественно в значении настоящего вневременного (*S видит что-либо в, S рассматривает нечто как, S говорит/пишет о*). Можно сказать, что целью анализа авторизации со стилистической точки зрения является выяснение того, насколько, с одной стороны, авторизация соответствует принципу речевой системности научного стиля, т.е. насколько средства авторизации соответствуют единой коммуникативной цели и функциям, обусловленным его экстралингвистической базой, и, с другой стороны, насколько эти авторизационные средства дифференцируют научный стиль.

Структурные особенности авторизации достаточно подробно описаны в литературе [Золотова 1982]. Учитывая, что структурные особенности авторизации тесно связаны с ее семантическим типом, приведем их вместе:

1) Субъект квалифицирующий (глаголы *считать, признавать, называть, характеризовать, рассматривать, квалифицировать, оценивать, расценивать,*

понимать, выдвигать, воспринимать, находить, искать, видеть, принимать, признать, знать, представляться, казаться и др.): а) различные предложно-падежные конструкции: *Для него эта книга интересная. По его мнению, эта книга интересная;* б) «главное предложение»: *Он думает, что книга интересная.*

2) Субъект восприятия (глаголы *видеть, слышать, замечать, наблюдать, чувствовать, ощущать* и др. под.). «Главное предложение»: *Я вижу, что он читает книгу.*

3) Субъект обнаружения (глаголы *находить, искать, видеть, застать, обнаружить* и др.). «Главное предложение»: *Я обнаружил, что он читает книгу.*

Еще один аспект рассмотрения авторизации заключается в отнесении ее к одному из двух типов: объективированному либо субъективированному. Авторизация считается объективированной, если говорящий (пишущий) называет автора сообщения или источник информации. В этом случае она может быть выражена глаголами речемыслительной деятельности типа *говорить, сообщать, полагать, думать* и др., а также существительными *данные, слова, мнение, наблюдения, опыт* и др. (*Он говорит/ по его словам*). При субъективированной информации говорящий (пишущий) сам обращается к автору или источнику информации. Средствами ее выражения могут быть те же глаголы речемыслительной деятельности, но в сочетании с личными местоимениями 1 л. ед. и мн. ч. либо существительными типа *мнение, данные* и т.п. в сочетании с личными местоимениями 1 л. ед. и мн. ч. Также субъективированная авторизация может быть выражена глаголами, указывающими на точное воспроизведение прямой речи (*вспомнить, процитировать, привести* и т.п.), а также глаголами, указывающими на изменение в воспроизведении (*перефразировать, изменить* и т.п.). Подробнее об этом см.: [Вопросы 1989: 161; Всеволодова 2000: 351].

Тот факт, что «любой текст строится с учетом авторской коммуникативной установки и, следовательно, характеризуется определенной прагматической направленностью» [Крижановская 2000: 5], с одной стороны, и что «той или иной степенью прагматической нагруженности характеризуются все текстовые компоненты, т.е. все речевые единицы выполняют в тексте прагматические функции» [там же: 54], с другой стороны, заставляет нас в рамках многоаспектного анализа взглянуть и на эту сторону авторизации. Следует отметить, что согласно современным представлениям о реализации прагматических установок в тексте

принято говорить как о прагматической установке текста, так и о прагматической установке автора, при этом первая детерминируется назначением, видом и жанром самого текста, вторая же связана с авторской модальностью, отношением автора к сообщаемой информации; и в этом смысле логично заключить, что авторизационные показатели, с одной стороны, являются маркерами авторской прагматической установки, а с другой – в процессе текстообразования отражают общую прагматическую установку текста.

Под прагматической установкой (авторской целеустановкой, коммуникативной установкой, коммуникативным намерением) обычно понимается «материализованное в тексте осознанное конкретное намерение адресанта оказать соответствующее воздействие на адресата» [Наер 1985: 3]. На материале научного текста прагматические установки были подробно изучены в диссертационном исследовании Е. М. Крижановской, которая указала на их следующие функции: они «1) формируют структуру прагматического содержания, 2) участвуют в процессе развертывания целого текста, 3) служат для оказания программируемого адресантом воздействия на эмоционально-волевою сферу адресата и тем самым способствуют не только установлению и поддержанию контакта между автором и читателем, но и созданию определенного прагматического эффекта всего текста» [Крижановская 2000: 55]. Е. М. Крижановской также были выделены типы прагматических установок: прогностическая, делимитативная, компенсирующая, экземплифактивная, текстоформирующая, установка «обращение к невербальным средствам воздействия», оценочная. Наш анализ речевых средств, с помощью которых реализуются перечисленные выше установки, показывает, что авторизационные конструкции приходятся на три из них.

Во-первых, это компенсирующая прагматическая установка (КПУ), которая «призвана актуализировать знания читателя, необходимые для понимания авторской концепции <...> и подготовить адресата к восприятию новой информации» [там же: 93]. Она может реализовываться с помощью вводных слов и словосочетаний, являющихся, по большей части, авторизационными (*Как известно, общеизвестно, хорошо известно*); двусоставных глагольных и именных предложений разных типов (*Распространено мнение, что...; В литературе имеется несколько точек зрения по этому вопросу*); односоставных глагольных предложений (*Авторами было установлено, что...; Ранее было показано, что...; Принято считать, что...*), а также односоставных

предложений семантики «наличие бессубъектного или отнесенного к субъекту состояния» со сказуемым, выраженным предикативным наречием или краткой формой причастия (*Известно, что...; Как было сказано ранее; Нам прекрасно известно, что...; Общеизвестно, что...; Установлено, что... и т. д.*).

Еще одна выделенная Е. М. Крижановской прагмаустановка, в реализации которой участвуют авторизационные конструкции, названа ею текстоформирующей (ТПУ). Ее текстовая функция заключается в оформлении процесса предъявления материала читателю для облегчения восприятия им научной информации. К средствам ее реализации относятся двусоставные именные предложения с процессуально-качественным значением, также относящиеся в большинстве своем к авторизационным конструкциям (*В предыдущем разделе (выше, здесь, ниже) была сделана попытка показать, приведен ряд примеров; Приняты следующие обозначения; Уже был описан; Как было доказано; Как было указано выше; Характеристика уже дана выше*).

Функция третьей из прагматических установок научного текста Е. М. Крижановской, «обращение к невербальным средствам воздействия» (НСВ), – введение в текст невербальных элементов изложения, таких как рисунки, графики, таблицы и т. д.; реализуется она преимущественно в научно-технических и естественно-научных текстах. Средства выражения НСВ – типизированные конструкции, как правило, представляющие собой авторизационные конструкции с семантикой обнаружения: (*На рисунке видны данные...; Данные табл. показывают, что...; Как показывает рис.; На рис. № отчетливо видно...*) и т. п.

Оценочная прагматическая установка (ОПУ), выражающая авторское отношение к излагаемому материалу, реализуется в тексте с помощью авторизационных конструкций, представляющих собой двусоставные именные предложения, где сказуемое выражено сочетанием глагола-связки и полного прилагательного с семантикой квалификации. Отметим, что к авторизационным конструкциям относятся только те, в которых глаголом-связкой не выступает глагол «являться»: (*Выводы кажутся мало обоснованными...; Данная гипотеза представляется более правильной...; Неубедительным оказывается исходный пункт...; Определение не может считаться удовлетворительным...; Представляется правдоподобным мнение...; Эти оценки также выглядят разумными...*). Следует признать, что определение прагматической установки автора, в

отличие от прагматической установки текста, в известной степени основано на интерпретации.

Таким образом, предлагаемая нами методика описания авторизации в научном дискурсе заключается в интеграции различных аспектов ее анализа: от описания структурной модели авторизационной конструкции до ее дискурсивной реализации, в результате чего должна сложиться комплексная картина, своеобразная модель функционирования авторизации в отдельном (научном) дискурсе, которая свяжет воедино разрозненные представления об особенностях авторизации. При этом подчеркнем, что если такие параметры, как структурная организация, семантический тип, отношение к субъекту (объективированная / субъективированная авторизация), уже были подробно описаны в литературе и привлекаются здесь для полноты картины, то интеграция текстовых, стилевых и дискурсивных аспектов осуществляется впервые.

В качестве материала для демонстрации опыта применения описанной выше методики многоаспектного анализа авторизации мы выбрали статью (Котюр., Левч. – см. список источников). Поскольку, во-первых, некоторые из аспектов нашего анализа связаны со смыслодержательной структурой текста и, во-вторых, формат статьи не позволяет приводить анализируемую работу целиком, охарактеризуем вкратце ее содержание, приведя отрывок ее аннотации в авторском варианте: *«В статье продемонстрированы возможности использования понятия обыденного сознания для анализа коммуникативных «сбоев», возникающих вследствие влияния обыденного сознания на порождение текстов в области научного и художественного (переводческого) творчества. Выявлены проявления обыденного сознания, запускающие коммуникативные «сбои» при передаче от автора (переводчика) сложного, высокообобщенного, предполагающего целостный охват описываемого явления или отображаемой в тексте ситуации, т.е. при реализации когнитивной составляющей коммуникативного акта. В число таких проявлений включены ситуативный эгоцентризм исследователя, замещение рациональных аргументов эмоциональными, а также соскальзывание с уровня целостного охвата описываемого явления или ситуации до уровня передачи отдельных фрагментов без учета связи с целостным образом. Вместе с тем показано, что «сбои» в когнитивной составляющей коммуникативного акта могут компенсироваться его аффективной составляющей, обеспечивающей удержание внимания читателя и сохранение позитивного отношения к тексту и его содержанию»* (Котюр., Левч., с.45).

В качестве отправной точки анализа возьмем следующее предложение с авторизационной конструкцией, содержащее в авторизованной части (диктуме) понятие, вынесенное в заголовок статьи («обыденное сознание»). *Исследователи отмечают, что обыденное сознание выступает в качестве медиатора по отношению к общественному и индивидуальному сознанию, к мифологическому и научному отражению мира, к бессознательному и рефлексивному сознанию* (Котюр., Левч., с.46).

Экстралингвистическая обусловленность авторизационной конструкции, структурно выраженной «главным предложением» и относящейся к квалифицирующему типу, проявляется на лексико-семантическом уровне обозначением типичного для научной сферы субъекта деятельности (*исследователи*) и характерной для научного познания процедуры – описания и квалификации.

В стилистическом плане выражено такое свойство научного стиля, как отвлеченно-обобщенность: субъект научной деятельности выражен формой множественного числа, имена и число исследователей не приведены, это общее понятие. Отвлеченно-обобщенность рассматриваемой конструкции выражается и на грамматическом уровне – употреблением настоящего вневременного глагола (*отмечают*). Полноформленность предложения, т.е. «полнота грамматического оформления предикативных единиц» [СЭСРЯ: 244] с союзной связью («союзы позволяют более четко передавать смысловые и логические связи частей предложения» [СЭСРЯ: 244], на синтаксическом уровне передает еще одну стилистическую черту научного стиля – подчеркнутую логичность.

Выраженная в авторизованном предложении прагматическая установка по классификации Е. М. Крижановской – делимитативная. Авторизационная конструкция маркирует в тексте познавательное действие «обобщение» и способствует созданию соответствующего контекстуального эффекта. Так как в авторизуемом отрезке фиксируются общие существенные свойства рассматриваемого понятия, оно получает более широкую трактовку по сравнению с первоначально представленным в тексте: *История изучения обыденного сознания свидетельствует, с одной стороны, о большой притягательности этого феномена, с другой – о его сопротивлении научному изучению; Несмотря на долгую историю изучения обыденного сознания, четкое определение соответствующего термина еще не сформировано; Один из традиционных приемов рассмотрения обыденного сознания состоит в том, что его принято дифференцировать от научно-*

го сознания и даже противопоставлять ему; Свойства обыденного сознания определяются, как правило, через отрицание свойств сознания научного; Еще полвека назад доминировали отрицательные оценки обыденного сознания... (Котюр., Левч., с.45). Как мы отмечали ранее [Гричин 2013], «данный контекстуальный эффект, как правило, завершает собой авторское рассуждение по поводу развиваемой им (микро)темы», поэтому представляемое знание воспринимается как «свое», интериоризированное знание [там же: 97].

Переходя к анализу авторизационного блока как авторизационной модели, укажем на реализованные в ней аддитивные компоненты смыслов СКР. Метауровневость авторизационных показателей в приведенном авторизационном блоке, обусловленная экстралингвистическими причинами и требующая обращения к смыслодержательному анализу, заключается в противопоставлении объективной, фактуальной информации (обыденное сознание – медиатор) ее субъективной интерпретации (исследователи считают, что это так). Очевидно, что метауровневость авторизационной конструкции в данном случае обусловлена также ее принадлежностью к модулю. Кроме того, «метауровневость авторизационного блока выражается в самом факте экспликации авторизационной конструкции, поскольку такая экспликация означает, что авторизованный объект, т.е. тема авторизованного высказывания, уже был отрефлексирован субъектом, включен в его личную сферу, вписан в его личный контекст и актуализирован в высказывании» [Гричин, Демешкина 2014: 6]. Поэтому интересной представляется своеобразная «диффузия» оппозиции «свое – чужое» внутри категории авторизации, рассматриваемой на дискурсивном уровне: если на уровне синтаксическом (предложенческом, диктумном и т.п.) информация представляется «чужой», добытой из какого-то стороннего источника (исследователи считают), то абстрагирование до уровня дискурса (можно сказать, метауровня по отношению к предложенческому) означает переосмысливание этого первоначально «чужого» источника в частично «свой», общезначимый для научного сообщества.

Синкретичность авторизованного высказывания, присутствующая в нем в неявном виде, обусловлена единством реализации множества коммуникативных действий автора на протяжении текста и их взаимосвязью с рассматриваемым авторизационным блоком. В смысловом отношении это выражается в подчеркивании связи обыденного сознания с общественным, индивидуальным, рефлексивным сознанием и бессознательным, в приписывании этого наблюдения

«исследователям» и, в «самом» неявном виде, в интериоризации этого знания авторами статьи, поскольку приведенное наблюдение есть не что иное, как результат работы по сбору и обобщению информации в научной литературе.

Конситуативность, заключающаяся в осознании текущей ситуации общения, переключении фокуса внимания читателя, во введении и смене ситуации общения, выявляется обращением к более широкому контексту. В рассматриваемом предложении приводится трактовка обыденного сознания исследователями периода 80–90-х гг. прошлого века в противовес более раннему его пониманию (ср. содержание предыдущего абзаца: *Еще полвека назад доминировали отрицательные оценки обыденного сознания. Подчеркивали ограниченность обыденного сознания лишь непосредственным отражением структур повседневности и, как следствие этого, его неизбежную негативность, наивность, наполненность предрассудками, заблуждениями, ложными воззрениями, антагонистичность по отношению к теоретическому, научному знанию*) (Котюр., Левч., с. 46). Кроме того, информация о временном промежутке, в течение которого господствовала представленная точка зрения, маркируется слева авторизационным ключом подчеркивали ограниченность (см. выше) и справа (далее по тексту): *В настоящее время внимание исследователей привлекает богатейший творческий потенциал обыденного сознания, который заключается в способности человека продуцировать чувственно-наглядные образы, метафоры... В психологии выделяют такие функции обыденного сознания, как адаптация и дезадаптация* (Котюр., Левч., с.46).

Интенциональность авторизованного высказывания, присутствующая в нем в неявном виде, обусловлена реализацией коммуникативного намерения автора. Она выражается в осмысленности и намеренности использования субъективных компонентов речи. Вероятно, приведенным высказыванием авторы подчеркивают, во-первых, ту мысль, что проблема обыденного сознания является актуальной, и, во-вторых, важность описываемых свойств обыденного сознания. Кроме того, авторы фиксируют в тексте движение научного познания от старого к новому (представлена точка зрения авторов 80–90-х гг. прошлого века), далее в тексте встречаем: *В последнее время в литературе все чаще можно встретить аргументы в поддержку функционирования в научном познании третьей модели; Понятие обыденного сознания активно развивается в психологии* (Котюр., Левч., с.47). Ссылка на наблюдения авторов над приведенными свойствами обыденного сознания свидетельствует

ет о том, что авторы следуют нормам и этике научного общения, предполагающим указывать источники используемой информации, а также о реализующейся в тексте интертекстуальности.

Что касается супraseгментности, то вычленение (и интерпретация) ее смысла в авторизационных блоках на материале научного дискурса оказываются затрудненными вследствие различий в когнитивном опыте воспринимающих текст, в результате чего дополнительные смыслы могут значительно разниться, а также из-за стремления авторов научных произведений к однозначности выражаемого содержания, что является нормой научного стиля.

Таким образом, категория авторизации поддается комплексному описанию со стороны структурной организации, текстового воплощения, прагматической, стилевой и дискурсивной реализаций. Подобный анализ позволяет выявить одновременно несколько «каналов» репрезентации категории в речи, благодаря чему складывается многоуровневая модель функционирования функционально-семантической категории авторизации в отдельном дискурсе. Разработанная нами модель сводит воедино представления о разных аспектах функционирования авторизации, в результате чего последняя предстает как облигаторная категория, базирующаяся на дихотомии эксплицитно/имплицитного выражения; структурно представленная в языке набором разнообразных конструкций, общим семантическим значением которой является указание на источник информации, способ восприятия этого источника; маркирующая информацию как «своя / чужая»; обладающая набором текстовых, стилевых и когнитивно-дискурсивных характеристик, таких как маркирование когнитивных операций, прагматических установок, наличие «радиуса действия», определяемого через установление взаимодействия авторизационных конструкций между собой в тексте.

Список источников

Котюр., Левч. – Котюрова М. П., Левченко Е. В., Кушникова Л. В. Актуализация обыденного сознания как одна из причин коммуникативных «сбоев» в научных и художественных (переводных) текстах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып.1 (29). С.45–54.

Список литературы

Баженова Е. А. Научный текст как система субтекстов: дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 366 с.

Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка /

под ред. М. В. Всеволодовой и С. А. Шуваловой. М.: Изд-во МГУ, 1989. 183 с.

Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. М.: Изд-во МГУ, 2000. 502 с.

Гричин С. В. Когнитивно-дискурсивная модель авторизации // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74). С. 175–179.

Гричин С. В. Познавательные действия и авторизация в научном дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1 (21). С. 91–99.

Гричин С. В., Демешкина Т. А. Аппликативный потенциал когнитивно-дискурсивной модели авторизации // Вестник ТГУ. Филология. 2014. №6 (32). С. 5–15.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

Копытов О. Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте: авторизация и персуазивность: дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 184 с.

Котюрова М. П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения // Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Пермского ун-та. 1996. Т. 2, ч. 1, гл. XI. С. 341–377.

Котюрова М. П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. 170 с.

Крижановская Е. М. Коммуникативно-прагматическая структура научного текста: дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2000. 260 с.

Наер В. Л. Прагматика научных текстов (вербальный и невербальный аспект) // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. М.: Наука, 1985. С. 14–25.

Общая психология: познавательные процессы: учеб. пособие. 3-е изд. Минск: Амалфея, 2008. 368 с.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания. М.: Academia, 2005. 640 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.

Филатова В. В. Авторизация предложения в художественном тексте (На материале творчества Сергея Довлатова): дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000. 170 с.

Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста: учеб. пособие. Изд. 4-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 128 с.

Чернявская В. Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб.: Изд-во С.-Петербур.ГУЭФ, 1999. 209 с.

Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 78–94.

Pfister M. Konzepte der Intertextualitaet // Intertextualitaet. Formen. Funktionen, anglistische Fallstunden. Tubingen: Niemeyer, 1985. S. 1–30.

References

Bazhenova E. A. Nauchnyj tekst kak sistema subtekstov. Dis. dok. filol. nauk. [Scientific Text as a System of Subtexts. Doc. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2001. 366 p.

Chernjavskaja V. E. Interpretatsija nauchnogo teksta: Uchebnoe posobie [Interpretation of Scientific Text: Teaching aid]. Moscow: Izd-vo LKI Publ., 2007. 128 p.

Chernjavskaja V. E. Intertekstual'noe vzaimodejstvie kak osnova nauchnoj kommunikatsii [Intertextual Interaction as the Basis of Scientific Communication]. St. Petersburg, 1999. 209 p.

Filatova V. V. Avtorizatsija predlozhenija v khudozhestvennom tekste (Na materiale tvorcestva Sergeja Dovlatova). Dis. kand. filol. nauk [Evidentiality of a Sentence in Literary Text (Case Study of Literary Works by Sergei Dovlatov). Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2000. 170 p.

Grichin S. V. Kognitivno-diskursivnaja model' avtorizatsii [Cognitive-Discursive Model of Evidentiality]. Vestnik Omskogo universiteta [Omsk University Herald]. 2014. № 4 (74). P. 175-179.

Grichin S. V. Poznavatel'nye dejstvija i avtorizatsija v nauchnom diskurse [Cognitive Operations and Evidentiality in Scientific Discourse] Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 1 (21). P. 91-99.

Grichin S. V., Demeshkina T.A. Applikativnyj potentsial kognitivno-diskursivnoj modeli avtorizatsii [The Applicative Potential of the Cognitive-Discursive Model of Authorization] Vestnik TGU. Filologija [Tomsk State University Journal of Philology]. 2014. № 6 (32). P. 5-15.

Kopytov O. N. Vzaimodejstvie kvalifikativnykh modusnykh smyslov v tekste: avtorizatsija i persuzivnost'. Dis. kand. filol. nauk [Interaction of Qualification Modus Meanings in the Text: Authorization and Persuasiveness. Cand. philol. sci. diss.]. Vladivostok, 2004. 184 p.

Kotjurova M. P. Vyrazhenie epistemicheskoi situatsii v periferijnykh tekstakh tselogo proizvedenija [Expression of the Epistemic Situation in Peripheral Texts] Stilistika nauchnogo teksta (obshhie parametry) [Scientific Text Stylistics (General Param-

ters)]. Vol. 2. Part 1. Chapter XI. Perm: Perm State University Publ., 1996. P. 341-377.

Kotjurova M. P. Ob ekstralingvisticheskikh osnovanijakh smyslovoj struktury nauchnogo teksta (funktsional'no-stilisticheskij aspekt) [On the Extralinguistic Bases of the Meaning Structure of Scientific Text (Functional and Stylistic Aspect)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ., 1988. 170 p.

Krizhanovskaja E. M. Kommunikativno-pragmatischekaja struktura nauchnogo teksta. Dis. kand. filol. [Communicative and pragmatic structure of scientific text. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2000. 260 p.

Naer V. L. Pragmatika nauchnykh tekstov (verbal'nyj i neverbal'nyj aspekt) [Pragmatics of Scientific Texts (Verbal and Nonverbal Aspects)] Funktsional'nye stili. Lingvometodicheskie aspekty [Functional Styles. Linguistic and Methodological Aspects]. Moscow: Nauka Publ., 1985. P. 14–25.

Obshhaja psikhologija: poznavatel'nye processy: ucheb. posobie. 3-e izd. [General Psychology: Cognitive Processes (A teaching aid. 3rd edition)]. Minsk: Amalfeja Publ., 2008. 368 p.

Pfister M. Konzepte der Intertextualitaet [The Concept of Intertextuality]. Intertextualitaet. Formen. Funktionen, anglistische Fallstunden [Intertextuality. Forms. Functions, English Examples]. Tuebingen: Niemeyer, 1985. P.1-30.

Rjabtseva N. K. Jazyk i estestvennyj intellekt. [Language and Natural Intelligence]. Moscow: Akademiya Publ., 2005. 640 p.

Shmeleva T. V. Smyslovaja organizatsija predlozhenija i problema modal'nosti [The Meaning Structure of a Sentence and the Problem of Modality] Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa [Current Issues of the Russian Syntax]. Moscow, 1984. P. 78-94.

Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo jazyka / pod red. M.N.Kozhinoj. 2-e izd., ispr. i dop. [Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language / ed. by M.N.Kozhina. 2nd revised edition]. Moscow: Flinta: Nauka, 2006. 696 p.

Vsevolodova M.V., Shuvalova S.A. (eds.) Voprosy kommunikativno-funktsional'nogo opisanija sintaksicheskogo stroja russkogo jazyka. [Issues of Communicative and Functional Description of the Syntactic Structure of the Russian Language]. Moscow: Moscow State University Publ., 1989. 183 p.

Vsevolodova M. V. Teorija funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoj (pedagogicheskoi) modeli jazyka: uchebnik. [The theory of Functional and Communicative Syntax: Fragments of the Applied (Pedagogical) Model of Language: Textbook]. Moscow: Moscow State University Publ., 2000. 502 p.

Zolotova G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative Aspects of the Russian Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 368 p.

MULTIASPECT ANALYSIS OF EVIDENTIALITY IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Sergei V. Grichin

Head of the Department of Humanities and Foreign Languages

Tomsk Polytechnic University

The methods of analysis of evidentiality in scientific discourse presented in the paper are based on the integration of various aspects of this concept's description, encompassing structure, peculiarities of objectification in a text, pragmatic, stylistic and discourse characteristics. The developed methods synthesise the experience of evidentiality by means of evidential block, as well as the evidential cognitive and discursive model based on the meanings of the subjective components of speech expressed within its framework, such as suprasegmental and metalevel nature, intentionality, situation awareness, syncretism. An example of applying the multiaspect method while analysing a scientific paper is given.

Key words: evidentiality; evidential structure; scientific discourse; functional semantic category; multiaspect analysis; methods; extralinguistic conditionality.